

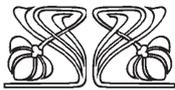
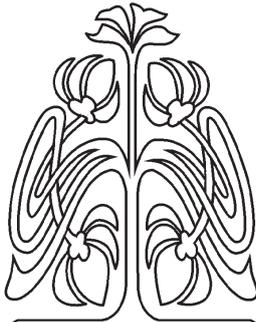
ПРАВО

УДК 351.751

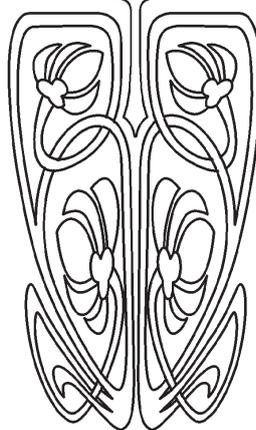
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ЗАПРЕТ ЦЕНЗУРЫ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

С. А. Куликова

Куликова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kulikovasveta@inbox.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Введение. Для более полного понимания ч. 5 ст. 29 Конституции РФ необходимо учитывать позиции Конституционного суда РФ по вопросу о содержании конституционного запрета цензуры. **Цель** – провести систематизацию и обобщение правовых позиций Конституционного суда РФ по проблемам, связанным с реализацией конституционного запрета цензуры. **Результаты.** Решения Конституционного Суда РФ, посвященные соотношению запрета цензуры и ограничений свободы массовой информации, классифицируются по трем тематическим группам: цензура и ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности; цензура и защита чести и достоинства личности; цензура и ограничения свободы распространения информации, предусмотренные законодательством о противодействии терроризму и экстремизму. Конституционный Суд РФ указывает, что ограничение свободы слова, свободы массовой информации не должно приводить к утрате реального содержания этих свобод; должно использовать не чрезмерные, а только необходимые меры. На сохранение свободы массовой информации направлены разъяснения Конституционного Суда РФ: о критике политических организаций, идеологических и религиозных объединений; о возможности высказывания суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах; о необходимости отличать распространение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию, от обсуждения деятельности политических деятелей и должностных лиц. **Выводы.** Высказываются предложения по изменению формулировки диспозиции ст. 3.1. Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса (Часть первая) Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, направленные на законодательное закрепление позиций Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: цензура, свобода массовой информации, экстремистские материалы, решения Конституционного Суда РФ.

DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-330-337

Введение

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу массовой информации и устанавливает запрет цензуры (ч. 5 ст. 29) [1]. Однако вопрос о цензуре постоянно присутствует в публичном политико-правовом дискурсе последних лет. О пределах свободы массовой информации и различных проявлениях цензуры неоднократно говорил Президент РФ В. В. Путин: сначала в своем Послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 г., затем на Совместном заседании Совета при Президенте РФ по культуре и искусству и Совета при Президенте РФ по русскому языку 2 декабря 2016 г., а также во время Прямой линии 7 июня 2018 г.

Примеры ущемления свободы массовой информации и административного давления на СМИ приводятся в докладе Центра поддержки СМИ Общероссийского народного фронта, представленном на медиафоруме «Правда и справедливость» 2 марта 2018 г. Попытки запретить фильм А. Учителя «Матильда» за искажение образа Николая II; сожжение книг, некогда переданных в библиотеки организациями, деятельность которых позже была признана нежелательной; акты вандализма в музеях – подобные события так или иначе актуализируют вопросы о гарантиях соблюдения конституционного запрета цензуры.

В этих условиях интерес представляют позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о содержании конституционного запрета цензуры и его соотношении с ограничениями свободы массовой информации. Как отмечалось в научной литературе, Конституционный Суд РФ посредством своей деятельности формирует, толкует, развивает конституционные принципы, способствует их большей определенности, облегчает их правильное понимание и применение, способствует формированию стимулов к отказу от их нарушения [2, с. 6; 3, с. 86].

Цель

Цель нашего исследования – провести систематизацию и обобщение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам, связанным с реализацией конституционного запрета цензуры.

Результаты

Вопрос о цензуре затрагивался уже в одном из первых решений Конституционного Суда РФ – Постановлении об оценке деятельности КПСС и КП РСФСР [4]. В этом постановлении Конституционный суд признал, что существование цензуры в СССР было обусловлено монополизацией политической власти со стороны КПСС, и указал на недопустимость советской практики установления государственного контроля над СМИ.

Вскоре Конституционному Суду пришлось опять вернуться к проблеме цензуры для разрешения вопроса о возможных формах контроля над деятельностью СМИ при соблюдении гарантий свободы слова. Противостояние Президента РФ и Верховного Совета РФ в период конституционного кризиса 1993 г. в том числе выражалось и в стремлении этих двух органов власти влиять на государственные СМИ. В развернувшейся борьбе за монополизацию государственного телерадио-

вещания обе стороны создали собственные органы влияния на СМИ и стали обвинять друг друга в попытке установления цензуры.

Своим решением Конституционный Суд РФ признал создание Президентом РФ ФТС «Россия» и ФИЦ России не соответствующим его полномочиям, предусмотренным Конституцией РФ и российским законодательством.

По поводу вопроса о законности формирования наблюдательных советов Верховным Советом РФ Конституционный Суд заявил, что само по себе создание таких советов не противоречит Конституции, поскольку способствует реализации «возможностей граждан участвовать в управлении делами государства и общества, расширению гласности и постоянному учету общественного мнения». В то же время Конституционный Суд отметил «неопределенность юридического содержания» положений, устанавливающих правовой статус наблюдательных советов, предлагаемых Верховным Советом РФ (постановление от 27 мая 1993 г. № 11-П).

Данное решение Конституционного Суда было направлено на недопущение создания органов цензуры со стороны обеих ветвей власти: путем пресечения деятельности контролирующих структур, созданных Президентом РФ, и путем превенции, адресованной Съезду, о незаконности наделения наблюдательных советов при СМИ властными полномочиями.

Анализ последующих решений Конституционного Суда РФ показывает, что норма о запрете цензуры не являлась предметом конституционно-правового толкования.

Однако проблема соотношения конституционного запрета цензуры и ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, свободы массовой информации рассматривается в многочисленных решениях Конституционного Суда РФ, которые можно разделить на несколько тематических групп, а именно: 1) цензура и ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности; 2) цензура и защита чести и достоинства человека и гражданина; 3) цензура и ограничения свободы на передачу, производство и распространение информации, предусмотренные законодательством о противодействии терроризму и экстремизму.

Проблеме правомерности ограничения свободы массовой информации в целях защиты нравственности были посвящены два ранних определения Конституционного Суда РФ. Было отмечено, что хотя статья действовавшего тогда УК РСФСР не содержит в себе положений, прямо направленных на ограничение свободы

слова, «предписания оспариваемой нормы могут быть распространены на деятельность средств массовой информации и публикуемых в них авторов, если эта деятельность связана с игнорированием нравственных запретов и правил приличия». При разрешении подобных дел суды общей юрисдикции должны учитывать «не только сам факт использования в опубликованном произведении ненормативной лексики, но и опасность такого ее использования для защищаемых Конституцией Российской Федерации ценностей» (определения от 4 декабря 1995 г. № 94-О, от 4 декабря 1995 г. № 103-О).

Тем самым Конституционный Суд признал, что установление запрета использования ненормативной лексики в произведении, предназначенном для массового читателя, не является цензурой, а выступает допустимым ограничением свободы слова.

Позже запрет использования оскорбительных выражений был подтвержден Конституционным Судом при рассмотрении конституционности нормы ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (определение от 13 октября 2009 г. № 1264-О-О).

Примером ограничения свободы слова в целях защиты нравственности может служить и определение Конституционного Суда по делу о противоречии Конституции РФ Закона Рязанской области от 3 апреля 2006 г. № 41-ОЗ «О защите нравственности и здоровья детей в Рязанской области». Решая вопрос о соразмерности установленных ограничений, Конституционный суд РФ отметил, что пропаганда гомосексуализма запрещается только среди несовершеннолетних, т.е. среди лиц, лишенных в силу возраста возможности самостоятельно критически оценить информацию. В связи с этим ограничения свободы слова, установленные законами Рязанской области, признаны Конституционным Судом оправданными и соразмерными (определение от 19 января 2010 г. № 151-О-О).

Вторую группу составляют решения Конституционного Суда, разграничивающие цензуру и правовые механизмы, направленные на защиту чести и достоинства человека и гражданина.

Рассматривая вопрос о соответствии Конституции РФ положений ст. 152 Гражданского кодекса РФ (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [5], регулирующей порядок опровержения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, Конституционный Суд РФ отмечал, что при реализации права свободно искать, получать, передавать,

производить и распространять информацию любым законным способом, обеспеченного свободой массовой информации и запретом цензуры (ст. 29, ч. 4 и 5 Конституции Российской Федерации [1]), в любом случае должна быть обеспечена реальная защита прав и законных интересов лица, чьи честь, достоинство и доброе имя потерпели ущерб в результате распространения не соответствующей действительности негативной информации (определения от 22 января 2014 г. № 12-О, от 22 января 2014 г. № 13-О).

При этом Конституционный Суд РФ, опираясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24 февраля 2005 г. № 3 [6], сформулировал несколько важных позиций.

По мнению Конституционного Суда РФ, само по себе закрепление в ст. 152 Гражданского кодекса РФ «порочащие сведения» без его раскрытия обусловлено разнообразием фактических обстоятельств и преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О, от 19 марта 2009 г. № 231-О-О и др.). При этом единообразное применение данной нормы в практике судов общей юрисдикции должно обеспечиваться в соответствии с толкованием этого понятия Верховным Судом Российской Федерации, которое содержится в приведенном выше постановлении.

Со ссылкой на положения Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, Конституционный Суд РФ указал, что государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Тем самым Конституционный Суд РФ признал, что обсуждение публичной деятельности политических деятелей и исполнения обязанностей должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления необходимо в демократическом обществе и не должно трактоваться как распространение порочащих сведений.

Далее, Конституционный Суд РФ подтвердил позицию Верховного Суда о том, что при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно

проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Важной нам представляется позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой суды, разрешающие дела о защите чести и достоинства, должны учитывать не только соответствие или несоответствие действительности опубликованных сведений, но и оценивать само содержание опубликованной информации, контекст, в котором она преподносится, порядок и полноту изложения, а также устанавливать, что не имело места манипулирование фактами (определение от 1 марта 2010 г. № 323-О-О).

Третью и, пожалуй, самую большую группу решений Конституционного Суда в изучаемой сфере составляют решения по обращениям граждан Российской Федерации, иностранных граждан с просьбой признать не соответствующими ст. 19 (ч. 1 и 2), 29 (ч. 1, 3–5) и 55 (ч. 2 и 3) Конституции РФ ряда положений антиэкстремистского законодательства, а именно:

– п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», определяющего понятие «экстремистские материалы», ст. 13 данного Закона, устанавливающей порядок и последствия признания информационных материалов экстремистскими;

– ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», где определяются основания и порядок включения в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» информации, запрещенной к распространению в Российской Федерации;

– ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» Уголовного кодекса РФ;

– ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства» Уголовного кодекса РФ.

Систематизация обращений (определение от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О, от 24 сентября

2012 г. № 1509-О, от 2 июля 2013 г. № 1053-О, от 27 октября 2015 г. № 2450-О, от 22 декабря 2015 г. № 3024-О, от 29 сентября 2016 г. № 1927-О, от 28 марта 2017 г. № 665-О, от 27 июня 2017 г. № 1411-О) позволяет сделать выводы о том, что, по мнению заявителей, указанные нормы несоразмерно ограничивают права граждан и способствуют установлению политической цензуры либо использованию цензурных методов, поскольку:

– позволяют привлекать к уголовной ответственности за высказанное лицом мнение, используя неопределенные понятия «социальная группа» и «мотивы ненависти либо вражды»;

– допускают возможность привлечения к уголовной ответственности лица за распространение материалов, не связанных с экстремистской деятельностью, не признанных экстремистскими, а также за распространение материалов и информации, в которых отсутствуют призывы, возбуждающие применение насилия по отношению к представителям какой-либо национальной, религиозной или расовой группы;

– позволяют назначать уголовное наказание в виде лишения свободы за действия, не повлекшие причинения вреда здоровью человека или имуществу и не создавшие угрозу безопасности населения и окружающей среды;

– включение в федеральный список экстремистских материалов предусматривает конфискацию тиражей произведений литературы, науки и искусства, в том числе созданные руководителями национал-социалистической рабочей партии Германии и фашистской партии Италии, которые предназначены для обнародования, но без цели пропаганды, возбуждающей расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду;

– обнаружение экстремистских материалов на сайте позволяет блокировать доступ ко всем материалам сайта.

По обозначенным проблемам Конституционный Суд Российской Федерации выработал следующие позиции.

Во-первых, Конституционный Суд РФ отметил, что любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы, исходя непосредственно из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия) (постановления от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П

и др.). Однако эти требования, предъявляемые к качеству уголовного закона, не означают, что при формулировании его предписаний не могут использоваться оценочные или общепринятые понятия (категории), позволяющие учесть необходимость эффективного применения уголовно-правовых запретов к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (определения от 4 декабря 2003 г. № 441-О, от 15 апреля 2008 г. № 260-О-О, от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П, от 25 ноября 2010 г. № 1561-О-О, от 21 апреля 2011 г. № 572-О-О, от 5 марта 2013 г. № 323-О, от 26 мая 2016 г. № 1142-О и др.).

В связи с этим Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что ст. 282 УК РФ не содержит неопределенности, в результате которой лицо было бы лишено возможности осознавать противоправность своих поступков и предвидеть наступление ответственности за их совершение и которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению оспариваемой нормы правоприменительными органами.

Во-вторых, Конституционный Суд РФ указал, что, применяя положения п. 1 и 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», суды обязаны исходить из того, что обязательным признаком экстремистских материалов является их явное или завуалированное противоречие конституционным запретам возбуждения ненависти и вражды, разжигания розни и пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, наличие которого должно определяться с учетом всех значимых обстоятельств каждого конкретного дела (форма и содержание деятельности или информации, их адресаты и целевая направленность, общественно-политический контекст, наличие реальной угрозы, обусловленной в том числе призывами к противоправным посягательствам на конституционно охраняемые ценности, обоснованием или оправданием их совершения и т.п.). Кроме того, судебной оценке подлежит и характер действий, на осуществление которых направлены призывы (определение от 28 марта 2017 г. № 665-О). В то же время Конституционный Суд РФ отметил, что ограничение посредством антиэкстремистского законодательства свободы слова и права на распространение информации не должно иметь места в отношении какой-либо информации на том лишь основании, что эти действия не укладываются в общепринятые представления, не согласуются с устоявшимися традиционными взглядами и мнениями, вступают в противоречие с морально-нравственными и (или)

религиозными предпочтениями (определение от 2 июля 2013 г. № 1053-О и др.).

При этом Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016 № 41) разъяснил, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды; не является преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по каким-либо признакам [7].

В-третьих, по мнению Конституционного Суда РФ, непосредственно из закрепленных Конституцией Российской Федерации основ конституционного строя вытекает обязанность государства по установлению правовых механизмов, в максимальной степени способствующих обеспечению общественной безопасности, предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для охраняемых законом прав и интересов граждан (определение от 19 февраля 2009 г. № 137-О-О). Если гражданин, осуществляя свои конституционные права и свободы (включая свободу мысли и слова, свободу творчества, право иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними), вместе с тем нарушает права и свободы других лиц, и такое нарушение (независимо от того, направлено оно против конкретных лиц или против общественного порядка в целом) носит общественно опасный и противоправный характер, то виновный может быть привлечен к публично-правовой, в том числе уголовной, ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов (определения от 25 сентября 2014 г. № 1873-О, от 27 октября 2015 г. № 2450-О и от 29 сентября 2016 г. № 1927-О).

Конституционный Суд РФ подтвердил, что нормы ст. 280, 280.1, 282 УК РФ являются частью механизма охраны прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо физических или социальных признаков, основ

конституционного строя, территориальной целостности Российской Федерации (определение от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О). Следовательно, оспариваемые заявителями нормы не могут рассматриваться как противоречащие Конституции РФ.

В-четвертых, обосновывая возможность блокировки сайтов в сети Интернет, Конституционный Суд РФ применил метод аналогии, указав, что в российском законодательстве закреплены основания ликвидации и запрета деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, а также основания прекращения деятельности средства массовой информации в случае выявления фактов, свидетельствующих о наличии признаков экстремизма в их деятельности, или осуществления экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, общественному порядку, общественной безопасности, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда. Таким же образом признание сайта в сети Интернет экстремистским в целом является, по мнению Конституционного Суда, оправданным механизмом противодействия экстремистской деятельности и возможно в двух случаях: если экстремистские материалы размещаются на нем систематически и если такой сайт специально создан общественным или религиозным объединением, иной организацией (которые признаны экстремистскими и деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена) в целях распространения информации экстремистского характера.

Выводы

1. Анализ решений Конституционного Суда РФ показывает, что норма ч. 5 ст. 29 Конституции РФ рассматривается им в качестве гарантии субъективного права на информацию, закрепленного в ч. 4 ст. 29, что получило свое отражение в неоднократно используемой формулировке о необходимости «соблюдения баланса общественных и частных интересов при реализации права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, обеспеченного свободой массовой информации и запретом цензуры».

2. Конституционный Суд РФ в своих решениях последовательно разграничивает понятия «цензура» и «ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

При этом Конституционный Суд РФ неизменно обращает внимание на то, что ограничения

конституционных прав не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания; должно использовать не чрезмерные, а только необходимые меры; публичные интересы, перечисленные в ст. 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и не затрагивают само существо конституционного права, т.е. не ограничивают пределов и применения основного содержания соответствующих конституционных норм.

В частности, на сохранение самого существа права на информацию направлены указания Конституционного Суда РФ, что критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды; что высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по расовым, национальным, социальным и религиозным признакам, не должно преследоваться по ст. 282 УК РФ; что необходимо отличать распространение сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию от обсуждения и критики деятельности политических деятелей и должностных лиц.

3. В ранних решениях Конституционного Суда РФ проблемы ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом рассматривались в основном по отношению к информации, распространяемой в СМИ. В дальнейшем Конституционный Суд указывал, что сформулированные ими положения в полной мере относятся к информации, распространяемой с помощью различных форм, в том числе с помощью листовок, плакатов, книг, размещения на сайтах, форумах или в блогах, массовой рассылки электронных сообщений и т.п.

4. Рассматривая вопросы о соответствии норм российского законодательства, устанавливающих ограничения свободы слова, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, свободы

массовой информации Конституционный Суд РФ в большинстве своих решений не усматривает правовой неопределенности изучаемых норм или несоразмерности установленных ими ограничений. Однако в решениях постоянно указывается, что суды, разрешающие гражданско-правовые споры и рассматривающие уголовные дела, предметом которых являются информационные материалы, должны оценивать само содержание опубликованной информации, контекст, в котором она преподносится, мотив и целевую направленность создания информационных материалов, круг адресатов, которым они предназначены, порядок и полноту изложения, имело ли место манипулирование фактами.

Тем самым Конституционный Суд РФ, с одной стороны, признает невозможность уйти от оценочности при разрешении дел данного рода, а с другой – указывает на необходимость проведения комплексного анализа представленных информационных материалов, что актуализирует вопрос о повышении качества судебной экспертизы по такого рода делам.

В целом, сформулированные выше позиции Конституционного Суда РФ направлены на недопущение произвольного вмешательства со стороны публичных властей в реализацию права на поиск, передачу, получение, производство и распространение информации, умаления свободы массовой информации и тем самым способствуют развитию конституционно-правового содержания запрета цензуры.

В целях совершенствования правоприменительной практики предлагается внести изменения в ст. 3.1. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 152 Гражданского кодекса РФ, используя формулировки, соответствующие правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Изложить ст. 3.1. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в следующей редакции:

«3.1. Особенности применения законодательства Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных и иных текстов, имеющих значительную ценность для общества.

Не могут быть признаны экстремистскими материалами:

1) Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них;

2) произведения, имеющие значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества, их содержание и цитаты из них;

3) суждения и умозаключения, использующие факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующие цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе».

Внести в ч. 1 ст. 152 Гражданского кодекса РФ следующее положение:

«Не признается порочащими сведениями критика должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления за исполнение их должностных обязанностей».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Комкова Г. Н. Судебный конституционализм и экономическая стабильность Российского государства : способы обеспечения и защиты // Судебная система и гражданское общество России. К 150-летию судебной реформы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2015. С. 6–7.
3. Сычев В. Б. Защита конституционного принципа недискриминации Конституционным Судом РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016. 33 с.
4. Решения Конституционного суда Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 29.04.2018).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301 ; 2018. № 22, ст. 3040.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8 ; 2017. № 1.

Образец для цитирования:

Куликова С. А. Конституционный запрет цензуры в решениях Конституционного Суда РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 330–337. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-330-337

Constitutional Prohibition of Censorship in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

S. A. Kulikova

Svetlana A. Kulikova, ORCID 0000-0002-0975-9588, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kulikovasveta@inbox.ru

Introduction. For a more thorough understanding of Part 5 Article 29 of the Constitution of the Russian Federation, it is necessary to take into account the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the content of the constitutional prohibition of censorship. **Purpose.** To carry out the systematization and generalization of the legal positions of the Constitutional Court on problems related to the implementation of the constitutional prohibition of censorship. **Results.** Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation devoted to the correlation of the prohibition of censorship and restrictions on freedom of the media are classified into three thematic groups: 1) censorship and restrictions on freedom of the media in order to protect morality, 2) censorship and protection of honour and dignity of the individual, 3) censorship and restrictions on the freedom of information dissemination provided by legislation on countering terrorism and extremism. The Constitutional Court of the Russian Federation states that restriction on freedom of speech, freedom of mass information should not lead to the loss of the factual content of these freedoms. This restriction should use not excessive, but only necessary measures. The explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation of the criticism of political organizations, ideological and religious associations; of statements about the possibility of judgment and reasoning, using the facts of interethnic, interfaith or other social relations in scientific and political discussions and texts; of the need to distinguish the dissemination of information discrediting honor, dignity, business reputation from the discussion of the activities of politicians and officials, are aimed at preserving freedom of the mass media. **Conclusions.** Proposals are made to change the words of the dispositions of Article 3.1 of the Federal Law dated July 25, 2002 No. 114 Federal Law "On Countering Extremist Activity" and Part 1 Article 152 of the Civil Code (Part One) of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51 Federal Law, aimed at legislative consolidation of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Key words: censorship, freedom of mass information, extremist materials, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
2. Komkova G. N. Judicial constitutionalism and economic stability of the Russian state: ways of providing and protection. In: *Sudebnaya sistema i grazhdanskoe obshchestvo Rossii. K 150-letiyu sudebnoi reform* [Judicial system and civil society of Russia. Towards the 150th anniversary of the Judicial Reform. Materials of the Int. sci. and pract. conf.]. Saratov, 2015, pp. 6–7 (in Russian).
3. Sychev V. B. *Zaschita konstitutsionnogo printsipa nediskriminatsii Konstitutsionnym sudom RF* [Protection of the constitutional principle of non-discrimination by the Constitutional Court of the Russian Federation]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Penza, 2016. 33 p. (in Russian).
4. *Resheniya Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii* (Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Site). Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (accessed 29 April 2018) (in Russian).
5. The Civil Code of the Russian Federation. Federal law of 30.11.1994 No. 51-FZ (an edition of 23.05.2018). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301; 2018, no. 22, art. 3040 (in Russian).
6. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2005, no. 4 (in Russian).
7. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2011, no. 8; 2017, no. 1 (in Russian).

Cite this article as:

Kulikova S. A. Constitutional Prohibition of Censorship in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 330–337 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-3-330-337
